

ИУДЕЙСКИЙ ПРОЗЕЛИТИЗМ НА БОСПОРЕ: ИРАНЦЫ В ИУДЕЙСКОЙ ОБЩИНЕ

Наталья КАШОВСКАЯ

Государственный музей истории религии

(Санкт-Петербург, Россия)

kashnat@mail.ru

В мировой историографии античные поселения Таманского полуострова (античный Боспор) все чаще рассматриваются как истоки иудаизма в Хазарии. Археологи находят нередкие материальные подтверждения бытования иудаизма в одном из центров будущей Хазарии – на Тамани, земли которой на рубеже двух эр находились в пределах Боспорского царства.

Боспорское государство античного Северного Причерноморья охватывало оба берега Керченского пролива, и населявшие его народы должны были оставить о себе различные свидетельства¹. С самого первого, почти интуитивного, романтического периода изучения Боспорского края археологические древности представляли разнообразные сферы их жизни. Именно археология сделала еврейскую диаспору на Европейском и Азиатском Боспоре из легенды историческим фактом².

Население приморских городов и внутренних материковых поселений Боспорского царства было смешанным с первых лет его исторического появления. Полиэтническая культура отмечается во всех исторических периодах существования царства. В эллинистическое время оно было больше греско-синдо-меотским³, что наиболее характерно показывают надгробные памятники, хотя они, по мнению исследователей, испытывали сильное эллинистическое влияние. Время с I в. до н. э. по IV в. н. э. отмечено активной сарматизацией, которая переживала процесс усиления в с I в. до н. э. по II в. н. э., что заметно всего проявлялось в надгробных памятниках⁴. Некрополи

Фанагории боспорского периода отражают варваризацию городского населения. Обнаруженные на Боспоре в достаточно большом количестве (к сожалению, во вторичном использовании) стелы с четко выраженными религиозными иудейскими символами показывают присутствие еще одной этнической группы – иудеев. Однако насколько и как глубоко все эти этносы, населявшие Боспор, взаимодействовали друг с другом, и какое влияние они оказывали друг на друга, археологический материал не всегда полностью способен представить: это слишком объемные этнокультурные процессы. За пределами археологии могут остаться и остаются едва заметные границы таких малых этнических групп, как евреи и те, которых Д. И. Даньшин называет “малоазиатскими этносами”, “южнопонтийскими иранцами”⁵⁵. Исследователи характеризовали города Боспора Киммерийского как своеобразную контактную зону, в пределах которой культурная ассимиляция особенно проявляется в межэтнических связях и традициях. Новейшие археологические открытия показывают, что подобные процессы затронули и степную периферию. Современные раскопки на археологическом памятнике Вышестеблиевская-11 также представили группу надгробий, имеющих свидетельства этих культурных контактов.

История открытия иудейских памятников на Боспоре

С начала систематических раскопок во второй половине XIX в. в руки исследователей начали попадать немногочисленные артефакты, свидетельствующие о присутствии на этой территории иудейского населения. Археологическую группу еврейских памятников боспорской земли составили мраморные и известняковые стелы с посвятельными текстами, юридическими актами-манумиссиями и надгробия с иудейскими символами.

Насколько можно судить по находкам, сохранившимся в архивах рисунком, фотографиям и копиям-эстампажам, надгробия иудеев были выполнены в виде вертикальных прямоугольных стел. Они, как правило, оформлялись рамкой, повторяющей форму камня, а в ней помещалось рельефное изображение. Второй часто встречающийся тип стел заканчивается архитектурной стилизацией фронтона античного храма. Оба

типа являются подражанием греческим и римским образцам надгробий, но имели свои местные, региональные, варианты и дополнения. Иудеи эллинистического времени использовали образец Храма и его Святая святых, где был помещен Ковчег Завета, в изображениях на остраконах, монетах и мозаиках. Некоторые из плит в основании имели шип (штифт) для установки в постамент. Памятники выполнялись из местного камня – известняка, что также свидетельствует о региональной традиции исполнения.

Изучение памятников, отражающих погребальный обряд иудейских поселенцев, рано стало самостоятельным направлением.

В середине XIX в. энтузиаст исследований Боспора А. Е. Люценко обнаружил 60 целых и фрагментированных надгробных плит с изображением семисвечников⁶. В течение последующих 10 лет с 1866 по 1876 год членами Императорской Археологической Комиссии Забелиным и Тизенгаузенем были обнаружены ещё 60 аналогичных надгробий. В 1869–1870 гг. барон В. Г. Тизенгаузен вел раскопки у городища Фанагория в районе станицы Сенной, в результате которых была выявлена большая концентрация памятников, свидетельствующая о проживавшем здесь когда-то еврейском населении. Работы проводились у “искусственных земляных насыпей, ‘близ того места, где находилась древняя Фанагория’”⁷. Для этого особенно внимательно осматривались фундаменты старых построек, так как многие камни из коллекции А. Е. Люценко были им обнаружены во вторичном использовании в качестве строительного материала в постройках. Барон фон Тизенгаузен “нашел много таких камней и четыре с надписями”⁸. Эти и другие найденные надгробные плиты, как сообщает Д. А. Хвольсон в “Сборнике еврейских надписей...”, были помещены в Музей Археологической Комиссии в петербургском доме графа Строганова. К сожалению, современное местонахождение этих плит неизвестно. Только об одной из них можно говорить определенно. Она была опубликована в упомянутом “Сборнике еврейских надписей...” под номером 96¹⁰ и передана на хранение в Азиатский музей Императорской Академии наук. В настоящее время эта стела хранится в фонде Государственного Эрмитажа, куда она попала, вероятно, после расформирования Азиатского музея в 1930-х годах¹¹. По технике исполнения надгробная плита выполнена довольно грубо, на лицевой стороне имеются изображения семисвечника и рога-шофара и однострочная эпитафия.

Какими бы ни были первые находки, случайными или полученными плановыми раскопками, они сразу вызывали интерес у “ценителей древностей” и сотрудников музеев. Чаще всего находки доставлялись в лапидарий, устроенный в Мелек-Чесменском кургане в центре г. Керчь, который был частью Музея древностей. Иудейские надгробные стелы, обнаруженные на окраинах Керчи (у Павловской батареи, на Цементной слободке, Глинице) и привезенные с Таманского полуострова, составили там особую этнокультурную коллекцию. Довольно часто находки передавались в музей без должной фиксации и паспортизации, поэтому в последующие годы их не раз заново открывали.

Краеоведам, ценителям древностей и востоковедам-профессионалам принадлежат первые публикации, посвященные иудейским памятникам античного Боспора. С. Вайсенберг в “Исторических гнездах Кавказа и Крыма” сообщает о еврейской надписи, которую он обнаружил в начале XX в. в гробнице “Царского кургана” в Керчи¹². По объяснению директора музея В. В. Шкорпила, она была перевезена из Фанагории в Керченский музей в 1898–1899 гг. и долгое время там хранилась¹³.

С 1899 г. Ю. Ю. Марти¹⁴, а затем и В. В. Шкорпил систематизируют и описывают Керченскую иудейскую коллекцию¹⁵. В собрании Керченского музея особое место заняла плита с текстом на двух языках, греческом и еврейском, – так называемая билингва. Более подробно ее описал В. В. Шкорпил. Исследователь обратил внимание на материал памятника: “из мягкого крупнозернистого известняка, происходящую из коллекции первых находок”. Отмечая эпиграфическую особенность надгробия, он сообщает, что “под фронтоном с двумя акротериями, в квадратном углублении, обведенном такой же рамкой, вырезаны вглубь два загадочных знака. В верхней полоске рамы, везде закрашенной красною краскою, заметны буквы, не поддающиеся чтению”¹⁶. Этой находкой заинтересовался и В. В. Латышев, известный собиратель и исследователь античных древностей юга России¹⁷.

Еще одно надгробие с иудейскими символами – семисвечником, шофаром и лулавом – среди камней Мелек-Чесменского кургана в 1913 г. обнаружил все тот же Ю. Ю. Марти, который датировал этот памятник IV–V вв. н. э.¹⁸

В первом десятилетии XX в., когда археология усовершенствовала свои методы поиска и фиксации, керченское собрание иудейских надгробий

пополнилось новыми находками. Они интересны вдвойне, так как были извлечены из погребений, а изображение семисвечника дополняли грекоязычные надписи¹⁹. Изучение греческого текста позволило датировать их II–IV вв. н. э. Аналогичные надгробные плиты того же времени были обнаружены многими годами ранее на месте, где, вероятно, и находилось еврейское кладбище, – у Павловской батареи. Греческий текст одной из эпитафий опубликовал и перевел В. В. Латышев²⁰. Усилиями трех названных исследователей (В. В. Латышева, В. В. Шкорпила, Ю. Ю. Марти) велась обработка имеющегося в их распоряжении материала.

Исходя из всего лапидарного собрания, было сформулировано очень важное, на наш взгляд, предположение о культурно-временном единстве иудейских памятников Азиатского и Европейского Боспора. Еще в 1884 г. в “Сборнике еврейских надписей” Д. А. Хвольсон справедливо поместил главу, посвященную надгробным надписям из Тамани. Он сделал особый акцент на широкой роли директора керченского музея А. Е. Люценко в раскопках на “южной” оконечности Таманского полуострова, где находился “греческий колониальный город Фанагория”²¹.

В период революции и гражданской войны были остановлены полевые археологические работы и музейно-фондовые описания. Часть коллекции Керченского музея утеряна навсегда. Тогда, скорее всего, были утеряны некоторые еврейские надгробия, найденные в XIX – начале XX вв.

В последующий, советский, период исследований, иудейская тема не имела самостоятельного развития. Тем не менее продолжающееся археологическое изучение региона пополняло коллекцию все новыми и самыми разнообразными источниками. В течение ряда лет на Боспоре были обнаружены новые посвятительные стелы с вырезанными юридическими актами об освобождении рабов на волю – так называемыми манумиссиями. Подавляющее большинство этих частноправовых документов Боспорского государства было составлено иудеями или “иудействующими”²².

Второй большой урон фондам Керченского музея был нанесен во время Великой Отечественной войны и оккупации Крыма немецкими войсками. Много экспонатов лапидария было утеряно, среди них и надгробия с семисвечниками. Существует легенда, что часть каменных стел до сих пор лежит закопанной на окраине Керчи в районе Царского

кургана, создавая, таким образом, новую загадку вокруг наследия древностей Боспора.

Исследования возобновились сразу после освобождения Тамани и Крыма. Среди “новых находок 1955 г. из некрополей Керченского полуострова” следует отметить плиту из крупнозернистого ракушечника, найденную в кладке сторожки Мелек-Чесменского кургана²³. Л. И. Чуистова по изображению большого, но слабо прорезанного семисвечника на подставке атрибутировала стелу как иудейское надгробие и связала памятник с эллинизированными иудеями III–IV вв.

К 60-м годам поступающие находки выросли в значительное собрание античных документов – “Корпус боспорских надписей”. Составители “Корпуса...” суммировали все предыдущие находки и опубликовали новые, включая манумиссии и надгробные тексты²⁴. Непростая история создания КБН хорошо описана авторами “КБН-Альбома”²⁵.

В 1970–1980 годах во время раскопок в Тамани-Гермонассе было извлечено “14 экземпляров” надгробий²⁶. В 1973 г. М. М. Кобылиной на “Западном” раскопе среди камней средневековой обкладки было обнаружено надгробие с еврейской надписью. Предварительно, по характеру шрифта, надпись была отнесена Д. И. Даньшиным к наиболее ранним фанагорийским памятникам²⁷. Раскопками А. К. Коровиной в 1980 г. на Северном городище Тамани в слое XI–XII вв. во вторичном использовании были обнаружены два надгробия с семисвечником. На одном из них была вырезана двухстрочная еврейская надпись²⁸.

На основании имеющихся находок становится отчетливо ясно, что основными центрами, где были обнаружены следы присутствия иудеев на далеких берегах Черного моря, стали древнегреческие колонии Фанагория, Гермонасса (современная станица Тамань) и Пантикапей (г. Керчь).

В Керчи основными местами обнаружения иудейских плит были Глинище, земли лазарета “у шоссе, ведущего в Керченскую крепость”, Цементная слободка и Павловская батарея, “где, по-видимому, и находилось еврейское кладбище”²⁹.

На Азиатском Боспоре иудейские поселения традиционно связывают с двумя крупными городами Фанагорией и Гермонассой (византийской Таматархой или древнерусской Тмутараканью).

Фанагория, как показали археологические исследования, доминировала на полуострове в античный период. Однако с раннего средневековья главенствующая роль переходит к Гермонассе-Таматархе-Тмутаракани. Все имеющиеся археологические свидетельства позволили установить историческое существование иудейских общин в этих центрах³⁰. Большая часть плит найдена во вторичном использовании, и это обстоятельство влияет на точность исторических реконструкций. Такой контекст находок не позволяет точно их датировать, и датировка возможна лишь по палеографическому анализу и косвенным признакам.

Осмысление, интерпретацию и систематизацию накопленного материала по истории еврейской диаспоры на Боспоре продолжает работа В. Чхаидзе³¹.

Археологические исследования Таманского полуострова последних лет позволили открыть еще одно место компактного проживания иудейского населения. С 1999 г. Таманский археологический отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводит раскопки на поселении Вышестеблиевская-11³². Памятник состоит из поселения и сырцовой крепости и расположен на берегу Кизилташского лимана на окраине станицы Вышестеблиевская³³. О существовании здесь древнего поселения известно давно: еще в 1910–1915 гг. здесь были найдены античные эпиграфические памятники³⁴.

За весь период раскопок (1999–2008 гг.) на поселении была исследована площадь более 1000 кв. м., на которой открыто 16 строительных комплексов и более 90 хозяйственных ям. По датировкам обнаруженных строительных и хозяйственных комплексов можно выделить несколько основных хронологических периодов жизни поселения, между которыми, возможно, были перерывы. Обнаруженные на поселении находки и постройки имеют широкие хронологические рамки с V в. до н. э. по X в. н. э.³⁵

В ходе работ на поселении каждый сезон обнаруживаются новые артефакты, оставленные иудеями³⁶. Всего за 8 лет работы найдены 20 целых и фрагментированных надгробий с иудейской символикой³⁷. Такое количество с одного памятника делает его третьим после Фанагории и Гермонассы местом компактного проживания иудеев на Азиатском Боспоре с античных времен. Интересно, что плиты и фрагменты были обнаружены как на поверхности

поселения, так и в результате раскопок. По словам местных жителей, в 1960–1970-е годы территория поселения Вышестеблиевская-11 пострадала в результате строительства на ней большой военной части. Во время строительства военным часто попадались древние камни с орнаментами и знаками. Большинство этих плит было заложено в фундаменты построек военного городка и залито цементом.

В ходе раскопок поселения были получены неожиданные и принципиально новые материалы, дающие представление о жизни поселений на азиатской территории Боспорского царства. Была открыта система застройки и планировки поселения, на протяжении 25 м исследован участок улицы шириной около 3,5 м. Она шла от центральной части поселения в сторону берегового обрыва. Улица была покрыта слоем плотной глины с большим содержанием фрагментов керамики. С обеих сторон улицы в определенном порядке располагались постройки. Все они выполнены в одной строительной технике: стены складывали из саманных кирпичей.

Самым необычным объектом, обнаруженным на этой улице, стал Строительный комплекс-6 (СК-6), исследованный в 2001–2002 гг.³⁸ Он представляет собой прямоугольную в плане постройку размерами 4×7 м. При разборке заполнения землянки было обнаружено надгробие с иудейской символикой, лежащее лицевой стороной вверх. Это надгробие было зафиксировано плитами выложенной ниже каменной вымостки, выполненной строителями с использованием еще пяти надгробных плит лицевой стороной вниз. Вторичная функция нижних стел очевидна, а что касается верхней, вероятно, центральной, то ее требуется еще объяснять. Вымостка заполняла центр пола. По правую сторону от нее была расположена конструкция размером 0,65×1,75 м из ярко-коричневой глины с примесью толченой ракушки. Одна половина конструкции представляла собой плоский “столлик” с бортиком, вторая – небольшое углубление овальной формы. В нём лежала половина круглого каменного жернова, а при расчистке всей конструкции была обнаружена зола. Эти детали свидетельствуют о практике ритуального жертвоприношения и сакральной функции данной конструкции, которая находит аналогии в границах Боспорского царства, на некрополях местного населения Илурата и Киттея³⁹. В землянке было обнаружено углубление сложной формы, заполненное толченой ракушкой. Таким

образом, археологический контекст находки сам по себе является предметом отдельного исследования, а вторичное использование надгробных стел в полуземлянке говорит о более раннем времени их происхождения.

Суммируя данные, полученные в процессе раскопок, можно сделать вывод, что на исследованном участке поселения существовал “квартал”, включавший всебя участки улицы нескольких построек. Все они расположены вблизи культового комплекса СК-6 и имеют с ним планиграфическую, стратиграфическую, смысловую связь и конструктивную близость. СК-6 располагался около обрыва и являлся последней постройкой, к которой вела улица. Предположительно улица была сооружена во второй половине V в. до н. э. и использовалась по прямому назначению довольно длительное время, возможно, с некоторыми перерывами. По находкам керамики и монет строительные комплексы можно датировать IV–VII вв. н. э. хотя в слое есть находки и более раннего, и более позднего, хазарского, периода. Можно уже сейчас сказать, что его происхождение связано с иудейским населением Боспорского царства в позднеримский и раннесредневековый периоды – прямо или косвенно.

Значение новых открытий для изучения широкого спектра проблем по истории иудейских поселений на Боспоре определяется тем, что они были сделаны в ходе планомерных и последовательных научных работ на этом историческом памятнике. Археологические находки представляют Вышестеблиевскую-11 как один из оживленных пунктов античного Боспора, где и в средневековье продолжается экономическая активность.

Группы археологических источников

Определяющее значение в раскрытии выбранной темы имеют археологические памятники, материалы из раскопок городских и сельских поселений Боспорского царства: Фанагории, Пантикапея (Керчь), Вышестеблиевской-11. В задачу статьи не входит полный учет всех обнаруженных памятников – разбору подлежат те археологические объекты, которые отражают характерные поликультурные черты. Это, как отмечалось выше в общем обзоре, посвятивительные стелы-манумиссии и надгробные памятники.

Еще Ю. Ю. Марти в начале XX в. отмечал среди найденных стел 5 основных групп⁴⁰, которые уже только по своим определителям выступают характеристикой реальности. Архитектурно однотипные надгробия (большей частью стелы) группировались по наличию или отсутствию рельефных сюжетов, окаймляющих рамок, эпитафийных текстов. Отмечается еще одна особая форма боспорских надгробных памятников – антропоморфные стелы. Отдельно выделялись иудейские и христианские стелы-надгробия, которые несли религиозные символы⁴¹.

Манумиссии

Первые иудейские манумиссии были найдены еще на рубеже первой и второй трети XIX века, но связываться с надгробными памятниками и эпитафиями, относящимися к одному времени и одному народу, стали значительно позже. Надо подчеркнуть, что сбор и систематизация боспорских письменных источников начались еще в начале XX века, а возобновившиеся исследования стали пополнять коллекцию боспорских надписей. Надписи этой группы дают неоценимый просопографический и ономастический материал.

Греческие надписи-манумиссии из Пантикапея и Фанагории отражали активную “манумиссорскую деятельность” иудейского населения обоих берегов Боспора⁴². Она заключалась в освобождении рабов под опеку синагоги с условием их вхождения в общину и возможного принятия иудаизма.

В 1989 г. во время раскопок на нижнем плато городища у берега Таманского залива⁴³ в завале средневекового времени был обнаружен блок светло-желтого мелкозернистого мрамора с надписью на греческом языке. Об этой находке с переводом и подробным комментарием написал в обобщающей статье “Фанагорийская община иудеев”⁴⁴ Д. И. Даньшин. Надпись представляла собой манумиссию, в которой упоминаются вероятные прозелиты карийского происхождения, отпущенные под опеку иудейской молельни (συναγωγ[ης] τῶν Ἰουδαίων). Если для римского времени жители Фанагории карийцы своим происхождением не вызвали акцентного внимания у исследователя, то упоминание иудеев, наоборот, позволило ему придать этому открытию особое значение: в ней “в первой... прямо указывается на существование здесь в раннеримское время общины иудеев”⁴⁵.

Занятие активной манумиссорской деятельностью было возможно при определенной распространенности культа и влиянии, какое имела община в полисной структуре: нужно было получить разрешение на адептов, которые уже конкретно существовали. Манумиссорские надписи из Пантикапея и Фанагории (к ним можно присоединить и манумиссию Горгиии, КБН 1124) отражают факт значительного присутствия в этих полисах иудейского населения. В Горгиии была найдена надпись, посвященная “богу высочайшему”, культ которого был зафиксирован еще в Танаисе. Открытость общества боспорских городов вполне объясняла появление данного культа и его распространение, только следов сосуществования адептов этих двух культов в одном и том же полисе не было зафиксировано. Последователи культа “бога высочайшего” были отмечены в Горгиии и Танаисе. Скорее всего, они были неевреями, и их нет ни в Пантикапее, ни в Фанагории. Однако членов иудейских синагог “либо прозелитов из числа вольноотпущенников, значительно эллинизированных, пользующихся греческим языком”⁴⁶, наблюдаем в этих крупных городах Боспора. И. А. Левинская, изучавшая культ “бога высочайшего” также с привлечением манумиссий, отмечала связь нового для Северного Причерноморья (включая Ольвию) культа с иудаизмом⁴⁷. Она обратила внимание на то, что эти находки позволяют говорить о присутствии на Боспоре различных вариантов иудейского бога⁴⁸.

Таким образом, выполнялось скрытое миссионерство, что способствовало появлению прозелитов (последователей культа) и квазипрозелитов (сочувствующих) из числа местного населения.

В составе боспорян сарматский (иранский) этнический компонент для рубежа эр был наиболее активным и многочисленным⁴⁹. Иранцы присутствовали в степях Предкавказья давно, начиная со скифов. Среди личных и династических имен Боспора как во времена полиса, так и в Митридатовы войны и после отмечаются иранские имена (Παιρισάδης, Ζοβήν)⁵⁰. Исследователи ономастики северопонтийских городов признают за иранскими именами малоазийское происхождение. Интересно замечание С. Р. Тохтасьева в комментарии имени Δαδαῖο (КБН 179, IV в. до н. э., Пантикапей), который нашел ему наиболее близкую параллель в семитском личном имени из Дура-Эуропа⁵¹. В этом довольно значительном внутреннем малоазийском полисе с эллинистического времени находилась

многочисленная иудейская община с большой синагогой⁵², из которой (что нельзя исключать) могли происходить возможные мигранты иранского и иудейского происхождения и для которой была вполне приемлемой структура полиса с его фиасотной организацией общества. В Фанагории довольно широко было распространено имя Гокωυ, которое, по мнению С. Р. Тохтасьева, сопоставимо с допустимым иранским сокращением из Дура-Эурупос – Γωκ⁵³. Открытость боспорского общества проявляется в его варваризации, разнообразии культов и религиозных сообществ.

Иранцы Боспора (скифы и сарматы), по именику, который разбирал С. Тохтасьев, в домитридатовское время составляли большую часть населения. Но значительное пополнение ими понтийских городов происходит с включением Боспора в державу Митридата Евпатора, и в тот же период, как считает исследователь его ономастикона, “появляются и евреи”⁵⁴. Иллюстрацией этого тезиса может служить находка фанагорийской манумиссии, которая карийцев Сандана и Сога (Ана) связала с иудеями.

Позднеантичные византийские источники VI в. н. э. (Прокопий Кесарийский, Феофан, Никифор) указывают на иранское присутствие в этом регионе⁵⁵.

Как теперь видно, для полиэтнического населения региона характерной особенностью стал симбиоз культур. Следствием этого слияния была надгробная стела, единая эпитафийная традиция, бытовавшая в одно и то же время, а формирование местного эпитафийного стиля происходило под влиянием эллинистической культуры. Об этом поликультурном опыте Боспора свидетельствуют артефакты, извлеченные из его гостеприимной земли.

Обобщая, можно сказать, что почти в каждой из этих групп прослеживается взаимодействие греческих и местных художественных традиций.

Иудейские надгробия Боспора

Влияние античных погребальных традиций на население Боспора заметно отразилось фактом установки над погребениями надгробных памятников античных типов⁵⁶. К настоящему времени открытых боспорских надгробий более сотни.

В позднеантичный период иудейское население в основном сформировало свои символы: менору, шофар, лулав и иногда этрог – цитрусовый плод. Почти на всех надгробиях вырезан этот общий орнаментальный сюжет с небольшими вариантами. Для анэпиграфных надгробий такой орнамент стал основным атрибутивным элементом, который давал возможность идентифицировать оставивший их народ в многоязыкой среде. Сам по себе подобный сюжет в лаконичной форме нес очень большую духовную информацию и связь с покинутой родиной. Менора, прежде всего, ассоциировалась с Храмом и Иерусалимом. Рог и лулав позволяли, вероятно, выразить моральные и духовно-нравственные ценности своей веры. Пока эти символы сохранялись в душе, они заменяли эмигрантам покинутые святыни.

Менора на надгробиях занимала центральное, приоритетное место. Рог, ветвь и этрог располагались вокруг меноры, варьировались и заменяли друг друга. Семисвечник-менора тщательно прорабатывался на всех памятниках. Он имел широкий размах полукруглых дуг, чашечки которых были расположены на одной горизонтальной линии⁵⁷. Большая часть известных уцелевших еврейских надгробий или происходит, или находится в Керчи⁵⁸. Интерес у исследователей вызывают, конечно, те, на которых есть посвятельные надписи, но, к сожалению, таких немного, и тексты вырезаны на греческом языке.

Судьба одной из них особенно примечательна. В 2006 г. в архиве ИИМК РАН был обнаружен эстампаж с изображением семисвечника и греческих букв, которыми передана эпитафия: “Здесь почитет Мемнон”⁵⁹ (ф. № 1, д. № 39/1892, л. 77). Сама плита, с которой сделан эстампаж, была опубликована несколько раз⁶⁰, но про эстампаж, похоже, забыли. К нему имеется описание, из которого следует, что плита случайно найдена на Таманском полуострове. Затем она была подарена Б. Букзелем Керченскому музею. По сведениям КБН⁶¹, К. Е. Думберг выполнил с плиты фотоснимок и эстампаж. Скорее всего, именно он и хранится в архиве ИИМК. Первый раз плита была опубликована А. Е. Люценко в таблицах к статье “Древние еврейские надгробные памятники...”, причем ее прорисовка дана в зеркальном отображении⁶², так как рисунок выполнялся с оттиска (эстампажа), а не с оригинала (камня). К этому мнению склоняемся потому, что в собрании

“Древностей южной России...” В. В. Латышева и в КБН изображения этой плиты даны правильно⁶³. Особенности публикаций этого надгробия, как и разные версии его происхождения, отмечал Д. И. Даньшин⁶⁴. Современное местонахождение самого памятника нам неизвестно.

Еврейское происхождение большинства грекоязычных надгробий “подтверждается” еврейскими именами и изображениями семисвечников. “Самуил” и “сын Самуила”, еврейская жена Христиона, “Симон” из керченских надписей⁶⁵ представляют общину, которая активно влилась в жизнь греческого полиса.

В 1976 г. на поселении Вышестеблиевская-11 в районе крепости была обнаружена прямоугольная стела из известняка-ракушечника с греческой надгробной надписью⁶⁶. Подробно о ней сообщил и дал ее перевод В. П. Яйленко в “Материалах по Боспорской эпиграфике”⁶⁷. По надписи автор датирует плиту III–IV вв. н. э. Особенно отмечаются им как основные датирующие элементы стиль эпитафии, формула, начинающая надпись: “Здесь покоится...”, – и её курсивный шрифт. По мнению исследователя, структура и стиль позднеантичных надгробных эпитафий Боспора сложились из практики мемориальных надписей и имели, помимо выше упомянутой, еще следующие наиболее распространенные: “памятник (или стелу) поставил...”; “надгробный памятник поставил... памяти ради”; “это надгробие... с миром”. Определяя дату надгробия, автор видит близкие ему аналогии в эпитафиях из КБН, зафиксированных под номерами 743, 1225⁶⁸. Он называет их “еврейскими плитами”⁶⁹ по аналогичной формуле, предваряющей эпитафию. На этой плите отсутствуют “какие-либо христианские или иудейские символы”, и датировка ее только косвенно подтверждается сходством формулировок и позднеантичным курсивным письмом керченских и фанагорийских памятников. Подобные преамбулы эпитафий, вероятно, становятся типичными для еврейскоязычных надгробий. Их стилистическая особенность приобретает устойчивость на долгое время и используется в надписях, как на греческом, так и на еврейском языках.

Лингвистический и палеографический ряд дополняет билингва – надгробие с изображением иудейских семисвечников и двуязычной надписью. Ее неоднократно публиковали⁷⁰, вероятно, вследствие тех научных

проблем, которые вызвала находка. Самая первая и, пожалуй, основная – фрагментарность находки и варианты реконструкции греческих и еврейских текстов. Греческий текст более полный. В последней публикации в составе КБН он представлен в сопровождающем русском переводе следующего прочтения:

“за упокоение Исаакия блаженнейшего, мир и упокоение”⁷¹.

Еврейский текст эпитафии значительно утрачен: уцелело лишь по слову в каждой строке. По запросу В. В. Латышева текст был восстановлен Д. А. Хвольсоном. Реконструированный текст является, скорее, калькой с греческой части эпитафии, из-за чего еврейскоязычная надпись получилась трехстрочной и громоздкой⁷².

[זה הקבר למנוחת יצחק] ברכה
 [ה]נער
 [תנוח] נפשו במנוחה שלום

“[В этой могиле покоится Исаак, память о котором] да будет блаженна [...] юноша (или род. п.: юноши)
 [Да пребудет его душа в покое] и мире...”⁷³

Поместить такой просторный и графически крупный текст, выбранный мастером, в имеющийся картуш вряд ли было возможным. Д. А. Хвольсон допускал наличие еще одной строки и предполагал, что текст некролога был значительно короче. Он же датировал надгробие по тексту “IV или даже III вв. н. э.”⁷⁴

Уточнить хронологическую оценку билингвы могут только новые находки, так как среди достаточно многочисленного грекоязычного эпиграфического материала находка каждой надгробной еврейской надписи может стать существенным дополнением.

Прежде всего, это одно надгробие из СК-6, которое было помещено создателями землянки в центр (Рис. 1). Посвятительный заупокойный текст из-за плохой сохранности надписи восстанавливается не полностью. Во второй строке даже определить точное количество букв представлялось весьма сложным. Первая строка эпитафии, тем не менее, достаточно хорошо

восстанавливается в логичную формулу, которую можно прочесть и в греческих некрологах (Рис. 1а)⁷⁵:

לקבר שבתי בן מצבה זה
מיכ[אל]

“Это памятник погребения Шабтая сына
Мих[аэля]”

В изучении выше обозначенных проблем по истории иудейских поселений на Боспоре новые открытия прояснили и откорректировали локальную ситуацию. Эти находки представляют Вышестеблиевскую-11 как один из оживленных пунктов античного Боспора, где и в средневековье продолжается экономическая активность. Полученные в ходе раскопок памятника данные характеризуют его не только как сельское поселение античного времени, но и как совершенно неизвестный ранее еврейский центр.

Случайная находка еще одной надписи не только увеличила список боспорских еврейскоязычных эпитафий, но и оказалась вдвойне интересной и потребовала внимательного рассмотрения. В архиве ИИМК РАН был обнаружен эстампаж с еврейской надписью (ф. № 1, д. 1893/140, л. 124). Как следует из описания, эстампаж был выполнен со стелы, которую нашел крестьянин Яков Тренкин в станице Стеблиевской на Таманском полуострове. Надгробие приобретено Керченским музеем 28 ноября 1893 г. (Рис. 2)⁷⁶. Оттиск был выполнен при поступлении плиты в музей и затем отправлен в Санкт-Петербург.

На эстампаже зафиксирована трехстрочная надпись, расположенная в верхней закругленной части надгробия. Текст сохранился плохо: буквы едва просматриваются из-за первоначального неглубокого рельефа. Мастер не всегда выдерживал единый размер букв. Начальные буквы в первой строке имеют размер 1,5×1,6 см, в дальнейшем их параметры увеличиваются, и последние буквы в строке доходят до 2,5×2,8 см. Буквы в третьей строке крупнее – до 3,2×2,7 см.

Первая строка состоит из трех достаточно легко восстанавливаемых слов, ее завершают следы отдельных букв и разметки. Вторая и третья строки состоят из одного слова каждая. На первый взгляд может показаться, что между словами второй и третьей строки могли быть еще слова, незаметные

теперь из-за плохой сохранности текста. Однако внимательное рассмотрение оттиска позволяет признать надпись законченной. На углубленном поле экрана-ниши не наблюдается следа других букв, и текст выглядит вполне целостным. Надпись реконструируется в следующем прочтении (Рис. 2а):

הזא מצבת קברה
אברהם
[שלום]

“Это памятник погребения
Авраама,
с миром”

В передаче указательного местоимения הַזֶּה – “это” – резчик сделал ошибку: вместо слова הַזֶּה им написано הֶזֶה. Подобная ошибка, когда конечная буква “хей” (ה) заменялась буквой “алеф” (א) была общепринятой в мишнаитский период (от времени разрушения Второго Храма до завершения редакции Мишны 235 г., иногда этот период распространяется до 636 г.) и встречается исследователями в древних текстах и на плитах. Отмеченная ошибка не меняет атрибуции стелы, но только дополняет информацию о ней. Слово קברה – упрощенная запись קבורה, которая дает возможность перевести его как “погребение”. По тексту оно имеет прямую связь с тестом надгробия, обнаруженного в 2001–2002 гг. в ходе раскопок Строительного комплекса-6. По совокупности вышеизложенных аргументов и имеющимся аналогиям⁷⁷ эстампажную эпитафию из архива ИИМК мы склонны отнести к позднеантичному времени, примерно III–V вв.

История с этим эстампажем получила неожиданное продолжение. При осмотре хранилища древних камней (лапидария) Керченского государственного музея-заповедника среди плит, числящихся беспаспортными, одна привлекла наше внимание. В верхней части плиты (№ КЛ-520; К-3290; 69077) сохранились еле заметные остатки надписи. Внимательное сопоставление позволило идентифицировать надпись с архивного эстампажа с надписью на камне. Таким образом, удалось восстановить происхождение беспаспортной плиты – это надгробие из станицы Вышестеблиевской (современное название Стеблиевской).

Теперь архивный эстампаж включен в общий список находок из станицы Вышестеблиевская.

Стилистическое и палеографическое сходство билингвы и двух приведенных из Вышестеблиевской эпитафий, особенно последнее завершающее слово שָׁלוֹם (“шалом”), можно объяснить общим культурным пространством азиатского и европейского берегов Боспора.

Найденные в XIX–XX вв. надгробные плиты с еврейскими надписями дошли до нас в публикациях. Сохранившихся до настоящего времени оригиналов очень и очень немного, например, в фондах Керченского музея. В 1991 г. Э. И. Соломоник в статье, посвященной началу крымской истории еврейских поселений, приводит иллюстрации надгробий из Керчи. Одно из них мы предлагаем отождествить с памятником из “Сборника еврейских надписей...” Д. А. Хвольсона⁷⁸. Именно о ней он пишет: “в нише над семисвечником находится легко вырезанная, теперь очень выветрившаяся, еврейская надпись в одну строку, в которой я мог разобрать только имя Шабтай”⁷⁹.

Помимо правильно прочитанного Хвольсоном имени, в нише-картуше просматриваются остатки еще 4-х букв, между которыми располагалось имя שַׁבְּתַי (Шабтай), но из-за общего плохого состояния камня восстановить текст полностью не представляется возможным⁸⁰. Д. А. Хвольсон рассматривал все надписи, найденные А. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузенем⁸¹. Д. А. Хвольсон дал палеографическую оценку и надписи под № 35⁸². К тому времени семисвечник уже не вызывал ни у кого сомнений в атрибуции и связи его с иудейской общиной, но один из изображенных на стеле символов был и тогда “нелегко распознаваемым, представляющим, по-видимому, райское яблоко”⁸³. Еще сложнее было разобраться с уцелевшей однострочной надписью. Она была выполнена без пробелов, сплошной строкой. Ниже приводим восстановленную Д. А. Хвольсоном строку:

סטתותבלאקום

Однако ему не удалось из прочитанных букв представить связный текст. В слово складывались только последние четыре буквы: אקום – “я восстану”. Тогда же Д. А. Хвольсон приглашает посмотреть надпись французского гебраиста И. Галеви, благодаря участию которого был предложен иной вариант прочтения: это греческий текст “еврейским шрифтом”. Из

последних 6-ти букв בלאקום составлялось греческое имя Балакос, при этом последняя буква “мем” (Ϟ) менялась на “самех” (ϙ). К сожалению, плита утеряна, и мы не можем прочитать текст повторно, остается доверять мнению предшественников.

Д. И. Даньшин, комментируя этническую ситуацию первых веков нашей эры на Боспоре, обращается к этому “сарматскому” имени, вырезанному “еврейским письмом в греческой форме”⁸⁴. В носителе имени Балакос он видит приток в число иудеев “прозелитов из местных варварских племен”⁸⁵.

Для Д. А. Хвольсона с палеографической стороны была особенно интересна надпись под № 34, которую он изучал по фотографии А. Е. Люценко. Примечательным был почти “древне-финикийский” шрифт этой короткой надписи, состоящей из 4-х букв:

טטא

Прочитывая эту строку по рисунку А. Е. Люценко заново, можно отметить, что буквы “алеф” (א) и “тет” (ט) имеют архаичную форму, но вплоть до утверждения в иудейской среде квадратного еврейского письма (*китаб-меруба*), формирование которого происходило на основе арамейского квадратного шрифта, возможны были и “финикийские” почерки⁸⁶. На средневековых надгробиях Мангула и Чуфут-Кале встречаются такие же начертания этих букв. Сравнивая с ними, можно предложить свое прочтение этой надписи как имя Эстер – אטא, так как замена в написании имени буквы “тав” (ת) на “тет” (ט) является одной из самых распространенных ошибок до самого Нового времени как на Кавказе, так и в Крыму⁸⁷.

В “Сборник еврейских надписей...” Д. А. Хвольсон помещает результаты изучения еще одного надгробия (№ 96), хранящегося в настоящее время в Государственном Эрмитаже. Он привел свое прочтение и перевод эпитафии:

בזה הקבר תנוח מר[ים]

“В этой могиле покоится Мир[ьям]”⁸⁸.

В 1997–1998 гг. к этой стеле в ходе составления каталога восточно-европейских надгробных текстов обращался М. Носоновский. Он согласился с предположением Д. А. Хвольсона видеть в остатках букв второй строки женское имя “Мириям” и объяснял его употреблением

глагола $\eta\eta$ в женском роде, что обязательно по закону согласования в еврейской фразе⁸⁹. Следующее слово, по мнению Д. А. Хвольсона, должно быть $\eta\eta\aleph$ – “госпожа”, где буква “тав” (η) или не дописана, или плохо сохранилась, как и имя “госпожи” полностью. Предположение Хвольсона, что здесь остатки от имени покойной, наиболее вероятно. Д. А. Хвольсон датировал её VIII–IX вв. М. Носоновский в статье датировки не касался. Однако, осмотрев надгробие вновь и сделав оттиск⁹⁰, с уверенностью можем подтвердить, что не вызывают сомнений две первые буквы “мем” (μ) и “реш” (ρ) имени “Мириям”. По поводу “следов” от “йод” (ι) и “мем” (μ, ν), необходимых для завершения имени “Мириям”, вряд ли можно согласиться с уверенностью. Что касается стилистической или грамматической ошибки, то для позднеантичного и раннесредневекового времени это довольно распространенное явление.

В рамках представляемой темы данному надгробие занимает особое место, так как оно единственное уцелело от коллекции первых собирателей 60–70-х гг. XIX в. А. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузена, работавших на Тамани. Результатом их работ стало выявление памятников (при значительной их концентрации), свидетельствующих о еврейском населении, проживавшем когда-то у городища Фанагория в районе станицы Сенной. Высокое доверие к публикациям, оставленным А. Е. Люценко, В. Г. Тизенгаузенем и Д. А. Хвольсоном, укрепляется тщательностью и скрупулезностью описания того небольшого количества эпитафий, что есть в нашем распоряжении.

Интересна форма одной из керченских стел из той же коллекции А. Е. Люценко (Рис. 3): на прорисовке, представленной в таблице, иудейское надгробие традиционно увенчано слегка стилизованным греческим акротерием, менора тремя полукругами органично врезана в заданную архитектурно-орнаментальную композицию. На оборотной стороне плиты выбита тамга, напоминающая латинскую букву “V” на П-образной подставке. Сам А. Е. Люценко эту плиту не датировал, но мы считаем возможным датировать её не позднее III в. н. э.⁹¹ по античным аналогиям данного региона; к сожалению, более точная датировка затруднительна. Похожий пример дают новые находки из Тамани, которые будут представлены ниже.

Одним из результатов смешения культурных и религиозных традиций на Боспоре являются изображения тамгообразных знаков на иудейских надгробиях. В позднеантичный период иудейское население в основном сформировало свои символы: менору, шофар, лулав и др. Современные ему этнические соседи на Боспоре также создавали свои культурные и культовые формы. Заимствование было возможно только при синхронном проживании и тесных культурных контактах иудейского и местного населения, сохраняющего эллинистические традиции.

Для Северного Причерноморья, пограничного и периферийного античному миру региона, не таким уж удивительным кажется сочетание на одной надгробной плите символов культур разных народов.

Впервые науке подобные плиты с тамгами были представлены их первооткрывателем А. Е. Люценко в 1866 г. В его статью 1876 г. были включены и стелы, обнаруженные членами Археологической Комиссии В. Г. Тизенгаузеном и И. Е. Забелиным⁹². Четкость “неизвестных знаков” уже тогда позволила А. Е. Люценко высказать предположение об их синхронности с иудейскими “изображениями семисвечника, трубы Левитов и жезла Аарона”. Однако дать им точную датировку публикатор не смог. Отличие “начертаний” тамговых рисунков заявляло о родовой (клановой) принадлежности, что было характерно для других, “язычных” народов. К сожалению, заново рассмотреть эти находки не представляется возможным по вышеупомянутой причине.

Современные археологические работы на античных памятниках Тамани пополняют коллекцию иудейских плит с тамгами, которые происходят из Фанагории и Вышестеблиевской-11. В лапидарном фонде Таманского музея можно насчитать более 20 таких стел (4 – из Вышестеблиевской-11), обнаруженных археологическими раскопками и разведками. Во вторичном использовании было зафиксировано большинство найденных фанагорийских стел с тамгами.

Самые ранние тамги известны как у оседлых, так и у кочевых иранских народов. Это были народы, расселившиеся “к началу железного века от Монголии до Ирана и устья Дуная”⁹³. К ним исследователи относят и скифов, сарматов, аланов Северного Причерноморья, кочевавших в степях или проживавших в полисах⁹⁴. У иранских народов подобные

знаки именовались “нишан” – “метка”, “след”, “знак” (термин “тамга” тюркского происхождения). О функциональном содержании этого термина у исследователей до настоящего времени нет единого мнения. Наиболее вероятно, с точки зрения Э. И. Соломоник, В. С. Драчука и С. А. Яценко, что они являлись родовыми символами – “знаками рода или клана, собственности клана на участки земли, вещи, причастности к различным акциям”⁹⁵ – и несли информацию о своем владельце. Тамги наносились на определенные части конской узды, сосудов, участки надгробных стел⁹⁶. Тамговые знаки выявляются с I в. до н. э. – I пол. I в. н. э. у сираков и аорсов – сарматских народов Северного Кавказа. В это же время в пределах Боспорского царства “появились тамги аристократов маленького и влиятельного сарматского племени аспургиан, жившего в устье Кубани”⁹⁷. Знак клана аспурга, носившего греческое имя Хрисалиск, С. А. Яценко определил на фрагменте стелы с совмещенными иудейскими и тамговыми символами, которая была обнаружена при раскопках на памятнике Вышестеблиевская-11⁹⁸. Сергей Александрович датировал плиту по знаку рубежом I–II вв. н. э. По его мнению, плиты из Вышестеблиевской можно считать едва ли не самыми ранними из датируемых, а сам археологический контекст их обнаружения – уникальным. Он считает, что тамги (в виде перевернутого трезубца) были нанесены представителями сармато-аланского клана. Время нанесения тамг – период с рубежа I–II вв. по середину II в. н. э. С. А. Яценко после осмотра “тамговых архивов” по Восточной Европе этого периода пришел к выводу, что возможную датировку тамговых символов на стелах ранним средневековьем следует отвергнуть. Вне этого достоверно аланского региона, в собственно тюркских районах Восточной Европы, такие знаки в качестве тамг не известны, а в свою очередь, поселение аланов на Тамани в это время никак не документировано⁹⁹.

Тамгина иудейских плит наносились, в основном, на оборотной стороне стел и представляли собой различное сочетание или переплетение линий, кругов и других геометрических фигур (Таблицы I–VIII. А. Е. Люценко)¹⁰⁰. Рисунки тамговых знаков на вновь обнаруженных таманских стелах находят аналогии в таблице А. Е. Люценко (Рис. 4). Кольцеобразная тамга на стеле из Вышестеблиевской-11 (находка 1999 г.) не выходит из типологии и хронологии сармато-аланских символов, которые складываются в I–IV вв.

н. э (Рис. 5, 6)¹⁰¹. Новейшие находки позволяют теперь датировать тамги на плитах А. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузена и тем самым объединить обе коллекции. Суммарно на азиатской стороне Боспора обнаружено более 30 иудейских надгробных стел с тамгами, что от числа всех известных нам по фундам и публикациям иудейских плит (чуть более 100) составляет почти треть. Довольно интересный, но характерный для Боспора статистический показатель. В этот период, как отмечала Э. И. Соломоник, регион “отличала пестрая и сложная картина религиозной жизни... наряду с сохранением языческих культов (часто модифицированных в результате синкретизма), проникновением восточной магии и астрологии, египетских, финикийских и малоазийских культов митраизма, иудаизма и христианства”¹⁰². Как пишет исследовательница, эти явления “имели отклик в городах Северного Причерноморья” еще и потому, что “восточные культы нашли туда путь в эпоху эллинизма”¹⁰³. Археология только подтверждает полиэтничный состав населения полисов и присутствие в них религиозного синкретизма.

Боспорское царство и этническая история живших в его пределах народов по-прежнему остаются одними “из наиболее обсуждаемых в исторической (в том числе и археологической) литературе”¹⁰⁴. Автор этих слов Д. И. Даньшин делает акцент на “исключительном” значении этого аспекта, так как полиэтничность была обусловлена как “спецификой культуры его населения”, так и “сложностью его социальной структуры”¹⁰⁵. Иудейские надгробия с греско-еврейскоязычными текстами, поступившие в разное время в музейные коллекции Тамани и Керчи из Гермонассы, Фанагории и теперь Вышестеблиевской-11, дают интересный ономастический материал. Из 18 известных мужских имен 6 раз встречается имя Шабтай. Происхождение этого имени разбирала, исследуя надписи Боспора, И. Левинская¹⁰⁶. Вслед за В. Чериковером и Л. Згустой, она полагает, что это имя имело широкое распространение в языческой среде, выходящей за пределы еврейского круга. Д. Даньшин указывает, что данное имя с его греческими вариантами употребляется до середины III в. н. э. Далее наступает смена языковой ситуации на Боспоре, которую отражает использование других имен: Самуил, Амц, Менахем, Мирьям, Моисей, Авраам. Известный крымский археолог А. И. Айбабин признает этот вывод вполне обоснованным, так как боспорский регион первых веков новой эры

характеризует миграционное движение, и археология подтверждает эту этноисторическую реальность¹⁰⁷.

От первого периода изучения археологических древностей Боспорского края, который мы назвали романтическим и когда интуитивно высказывалось предположение о существовании еврейской диаспоры на Европейском и Азиатском Боспоре, мы проследили путь превращения легенды в исторический факт. Систематическими раскопками в течение полутора веков в руки исследователей даны многочисленные артефакты, свидетельствующие о присутствии на этой территории иудейского населения. Археологическую группу еврейских памятников боспорской земли составили стелы с посвятельными текстами, юридическими актами-манумиссиями и надгробия с иудейскими надписями и символами. Они достаточно полно отражают разнообразную деятельность еврейского населения на протяжении первых пяти веков нашей эры.

К первым векам новой эры иудаизм, перенесший значительные изменения, вызванные политическим противостоянием Риму и внутренними коллизиями, стал менее однороден. При этом расширяющаяся диаспора раздвинула границы для новой трансформации религии. Оригинальные и своеобразные формы иудейского прозелитизма, сохранявшиеся вплоть до времени появления новых варваров, подготовили почву для будущих этнических изменений в составах общин и конфессиональных вливаний.

Стало уже почти хрестоматийным положение о более долговременном существовании общин-синагог. И уже не тезисом, а утвердительным выводом в новые учебники по еврейской истории вносятся главы об античном и раннесредневековом этапе на берегах Черного моря: “отдельные еврейские общины пережили нашествие варварских племен в период Великого переселения народов”¹⁰⁸.

¹ Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. Москва, 1870. С. 125.

² *Simmerius Bosphorus // Hyperboeus*. 2005. Vol. 11, Fasc. 2. P. 286.

³ Даньшин Д. И. Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. (этнический состав и этнокультурные традиции) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Институт археологии РАН. На правах рукописи. Р–2. № 2515. С. 14

⁴ Там же, С. 15.

- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища / Труды III Международного съезда ориенталистов. Санкт-Петербург, 1876. Т. 1. С. 577–580. Таблица III–VI
- ⁷ Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные надписи из иных мест, в древнееврейском квадратном шрифте, а также и образцы шрифтов из рукописей IX–XV столетий. Санкт-Петербург, 1884. С. 135.
- ⁸ Там же. С. 135.
- ⁹ Там же. С. 136.
- ¹⁰ Там же. С. 136.
- ¹¹ Носоновский М. Еврейские эпиграфические памятники Восточной Европы. Бостон, 2002. С. 161.
- ¹² Вайсенберг С. Исторические Гнезда Крыма и Кавказа // Еврейская старина. 1913. Т. 6. С. 63.
- ¹³ Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в Керчи в 1910 году // Известия Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург, 1914. Вып. 40. С. 20–21, 92–114.
- ¹⁴ Марти Ю. Ю. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. Одесса, 1913. С. 30.
- ¹⁵ Корпус боспорских надписей. Москва, 1965. С. 417, 425, 428, 443. № 7181, 965.
- ¹⁶ Шкорпил В. В. Надгробные надписи, приобретенные Мелик-Чесменским музеем в 1899 году // Записки Одесского Общества истории и древностей (ЗООИД), вып. XXII, 1900. С. 107; Известия археологической комиссии. № 56. С. 1–74.
- ¹⁷ Latyshev V. V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini (далее IOSPE). Petropoli, 1916. IV. № 404.
- ¹⁸ Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора. // Известия государственной академии истории материальной культуры. Москва–Ленинград, 1934. С. 57–89; 1913. С. 75, 77; 1914. С. 20–21.
- ¹⁹ Корпус боспорских надписей. С. 417, 425, 428, 443, 718.
- ²⁰ Там же. С. 428.
- ²¹ Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища. С. 577–580. Таблица III, IV, V, VI; Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей... С. 133–138.
- ²² Надель Б. И. Филологические и дипломатические заметки к Боспорским манумиссиям. // Вестник Древней истории. 1958. № 1(63). С. 137–146.
- ²³ Чуистова Л. И. Новые находки из некрополей Керченского полуострова // Материалы по истории и археологии. 1959. № 69. С. 249, рис. 14.
- ²⁴ Корпус боспорских надписей. № 724 II–III вв. н. э. С. 417; № 735 III в. н. э. С. 424; №

736 III–IV вв. н. э. С. 424–425; № 743 IV в. н. э. С. 430; № 777 IV в. н. э. С. 443; № 1225 IV–V вв. н. э. С. 718–719.

²⁵ Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. Санкт-Петербург, 2004. С. 395

²⁶ Данышин Д. И. Фанагорийская община иудеев // Вестник древней истории. 1993. № 1. С. 65

²⁷ Там же. С. 65–68

²⁸ Коровина А. К., Финогенова С. И. Отчет о раскопках Тмутаракани-Гермонассы за 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 8620–8620а. Таблица 6 (1), 6 (2.3).

²⁹ Корпус боспорских надписей. С. 424, 428, 443.

³⁰ Паромов Я. М. Фанагорийская округа / Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Москва, 2003. С. 158.

³¹ Чхаидзе В. Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове. / Средневековая археология евразийских степей. Москва–Йошкар-Ола, 2006. С. 53–86.

³² Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани / Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 1999. С. 332–337.

³³ *Cimmerius Bosporus*. P. 286.

³⁴ Корпус боспорских надписей. № 1112, 1113. С. 647–648.

³⁵ Рогов Е. Я., Кашаев С. В. Работы Российско-Германского отряда на поселении Вышестеблиевская-11 / Археологические открытия 2000 г. Москва, 2001. С. 140; Кашаев С. В. Работы Российско-Германского отряда на поселении Вышестеблиевская-11 / Археологические открытия 2001 г. Москва, 2002. С. 275.

³⁶ Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Новые боспорские надгробия / Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государств. Санкт-Петербург, 2001. С. 164–174.

³⁷ Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Камни и надписи Боспора // Восточная Коллекция. 2006. № 2. С. 55–60.

³⁸ Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудаизм на Боспоре – археологический контекст / Материалы Тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва, 2004. С. 14–15.

³⁹ Гульце И. А., Хршановский В. А. Жернова на некрополе / Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 1994. С. 108–109.

⁴⁰ Марти Ю. Ю. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. С. 30

⁴¹ Там же. С. 30; Драчук В. С. Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами // Краткие сообщения Института археологии. Москва, 1972. С. 105–111; Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в Северопонтийских городах позднеантичного времени // Вестник древней истории. Москва, 1973. № 1 (123).

С. 55–57; Данышин Д. И. Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. (этнический состав и этнокультурные традиции). С. 222–223; Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани. С. 332–337; Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Новые боспорские надгробия. С. 164–174.; Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Камни и надписи Боспора. С. 55–60.

⁴² Данышин Д.И. Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. (этнический состав и этнокультурные традиции). С. 226; Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в Северопонтийских городах позднеантичного времени (По эпиграфическим памятникам). С. 55, 76–77; Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму / Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь–Иерусалим, 1997. С.9–23.

⁴³ Данышин Д. И. Фанагорийская община иудеев. С. 59.

⁴⁴ Там же. С. 59–73.

⁴⁵ Там же. С. 62. Благодаря этой находке Д. И. Данышин уточняет текст еще одной фанагорийской манумиссии (Корпус боспорских надписей, № 985), лакунарной по сохранности, но теперь позволяющей связать с иудейской общиной уже 16 г. н. э.

⁴⁶ Там же. С. 64

⁴⁷ Левинская И. А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. Санкт-Петербург, 2000. С. 51, 129, 144; Levinskaya I. A., Tokhtas'yev S. Jews and Jewish Names in the Bosphoran Kingdom / Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods. Tel-Aviv, 1996. P. 56–73.

⁴⁸ Там же. С. 57–58.

⁴⁹ Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. С. 9–23.

⁵⁰ Миллер В. Ф. Эпиграфические следы иранства на Юге России // Журнал Министерства народного просвещения. 1886, с. 246; Тохтасьев С. Р. Фракийские имена на Боспоре / Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 1992. С. 160–179, 185, 187, 189.

⁵¹ Там же. С. 189.

⁵² Сэмюэлс Р. По тропам еврейской истории. Иерусалим, 1990. С. 129, 148.

⁵³ Тохтасьев С. Р. Фракийские имена на Боспоре. С. 191.

⁵⁴ Там же. С.180

⁵⁵ Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. Таблица XX, XXII–XXIII, L–LI.

⁵⁶ Кобылина М.М. Саркофаги и надгробия. Материальная и духовная культура // Античные государства Северного Причерноморья. Советская археология. Москва, 1983. С. 224–225

⁵⁷ Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища. Таблица II–VII, рис. 1–6, 9–14. С. 581–587.

⁵⁸ На месте современного города Керчь, на восточной оконечности Крымского полуострова, в античное время находился город-полис Пантикапей, в эллинистический период – Боспор.

⁵⁹ Корпус боспорских надписей. № 1225. С. 718–719.

⁶⁰ Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища. Таблица V, рис. 9. С. 585; Латышев В. В. Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–94 гг. // *Материалы по археологии России*. Санкт-Петербург, 1895. № 17. С. 63, № 69; Латышев В. В. *Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini (IOSPE) IV*. № 426; Корпус боспорских надписей. № 1225. С. 718–719.

⁶¹ Корпус боспорских надписей. № 1225. С. 718–719.

⁶² Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища. Таблица V, рис. № 9. С. 585.

⁶³ Латышев В. В. Древности Южной России. С. 63, № 69; Латышев В. В. *Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini. IV*. № 426.

⁶⁴ Данышин Д. И. Фанагорийская община иудеев. С. 68.

⁶⁵ Корпус боспорских надписей. № 724. С. 417; № 735. С. 424–425; № 746. С. 430; № 777. С. 443.

⁶⁶ Басовская Н. И., Долгоруков В. С., Кузнецов В. Д., Шавырина Т. Г., Яйленко В. П. *Исследования Фанагории / Археологические открытия 1977 г.* Москва, 1978. С. 104.

⁶⁷ Яйленко В. П. *Материалы по Боспорской эпиграфике / Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и Античного Северного Причерноморья.* Москва, 1987. С. 20–21.

⁶⁸ Корпус боспорских надписей. Москва, 1965. С. 428, 718

⁶⁹ Яйленко В. П. *Материалы по Боспорской эпиграфике / Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и Античного Северного Причерноморья.* Москва, 1987. С. 21.

⁷⁰ Шкорпил В. В. Надгробные надписи, приобретенные Мелик-Чесменским музеем в 1899 году // *Записки Одесского Общества истории и древностей (ЗООИД)*. Вып. XXII. 1900. № 20. С. 107; *Известия археологической комиссии*. № 56. С. 1–74; Латышев В. В., *IOSPE IV*. № 404; Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора. С. 57–89; *Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства*. Одесса. 1913. С. 18, 75, 77; Корпус боспорских надписей. № 736. С. 424–425.

⁷¹ Текст приводится по: Корпус боспорских надписей. С. 427.

⁷² Там же. С. 425.

⁷³ Там же. С. 424–425.

⁷⁴ Там же. № 736, С. 424–425.

⁷⁵ Кашаев С. В., Кашовская Н. В. *Иудаизм на Боспоре – археологический контекст*. С. 13–23.

⁷⁶ Кашаев С. В., Кашовская Н. В. О еврейской надгробной надписи из архива ИИМК // *Материалы Тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике*. Москва, 2006. С. 312.

⁷⁷ Корпус боспорских надписей. № 736. С. 424–425; Сэмюэлс Р. *По тропам еврейской истории*. С. 129, 148.

- ⁷⁸ Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. С. 9–23, рис. 4.
- ⁷⁹ Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей... С. 138.
- ⁸⁰ Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // *Archaeologia Abrahamica*. Москва, 2009. С. 64–65.
- ⁸¹ Там же. С. 65–68
- ⁸² Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей... С. 137.
- ⁸³ Там же. С. 137.
- ⁸⁴ Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев. С. 66.
- ⁸⁵ Там же. С. 66.
- ⁸⁶ Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии. С. 64–68.
- ⁸⁷ Там же. С. 67.
- ⁸⁸ Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей... С. 135.
- ⁸⁹ Носоновский М. И. Еврейские эпиграфические памятники Восточной Европы. Бостон, 2002. С. 161.
- ⁹⁰ Мы благодарим В. И. Залескую, заведующую сектором Византии отдела Востока Государственного Эрмитажа, за представленную возможность провести эпиграфическую фиксацию надгробия в 2003 г.
- ⁹¹ Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища. С. 577.
- ⁹² Там же. С. 576. Пополняя фонды Керченского музея, его директор А. Е. Люценко проводил археологические разведки не только в округе Керчи, но и на Таманском полуострове. Со ст. *Септой* (близ которой находилась древняя Фанагория) он вывез около 50-ти плит. Еще 60 обнаружил уже при раскопках Фанагории В. Г. Тизенгаузен.
- ⁹³ Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва, 2001. С. 3.
- ⁹⁴ Яценко С. А. отмечает традицию пользования тамгами, сохранившуюся еще к началу XX в. у иранцев-осетин и таджиков.
- ⁹⁵ Там же. С. 14.
- ⁹⁶ Там же. С. 21.
- ⁹⁷ Там же. С. 29.
- ⁹⁸ Для интерпретации тамгообразных знаков, изображенных на оборотной стороне плит, мы обратились за помощью к С. А. Яценко. Он внимательно изучил представленный материал и изложил свое мнение, за что выражаем ему глубокую признательность.
- ⁹⁹ Там же. С. 45–47; 84–87
- ¹⁰⁰ Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища. Таблица 1. С. 581.
- ¹⁰¹ Драчук В. С. Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами. С. 105–111; Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Таблица XX,

XXII–XXIII, L–LI; Соломоник Э. И. Несколько памятников с сарматскими знаками / Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983. С. 80–85; Кашовская Н. В., Кашаев С. В. К вопросу о плитах с иудейской символикой на Боспоре Киммерийском // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 136.

¹⁰² Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в Северопонтийских городах позднеантичного времени. С. 55–56.

¹⁰³ Там же. С. 55–56.

¹⁰⁴ Даньшин Д. И. Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. (этнический состав и этнокультурные традиции). С. 3.

¹⁰⁵ Там же, С. 3.

¹⁰⁶ Левинская И. А. Чтязие Бога Высочайшего / Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 1992. С. 145; Левинская И. А., Тохтасьев С. Древнесврейские имена на Боспоре // Acta associationis internationalis Terra antiqua Balcanica. Serdicae, 1991. Vol. VI. P. 118–128; Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей... С. 527.

¹⁰⁷ Айбабин А. И. Крым в середине III – начале IV века (период миграций). Боспорское царство // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Москва, 2003. С. 10–31.

¹⁰⁸ История евреев России. Москва, 2005. С. 5.

Abstract

The population of seaside cities and internal continental settlements in the Bosporsky kingdom was mixed from its earliest days. A polyethnic culture is noted in all historical periods of existence of the kingdom. Gravestones confirm that during the Hellenistic period, the population was more Greek-sindomeotiskim. The period from 1st century BCE to 4th century CE is marked by an active Sarmatization, which was especially strong from 1st century BCE to 2nd century CE.

Steles, which were found out in Bospore in considerable quantity (though, unfortunately, in secondary use), expressed religious Judaic symbols and show presence of one more ethnic group – the Jews.

Sarmatian patrimonial signs, tamgy, were placed in the back of Bospor Judaic gravestone steles. They represented a varying combination or an interlacing of lines, circles and other geometrical figures. The newest finds from Fanagoriy and

Vishesteblievskaya-11 allow to date the tamgy on the gravestones found in the 1860s by A. E. Ljutsenko and V. G. Tizengauzenom and therefore to unite both collections.

In total, over 30 Judaic gravestone stelas with tamgy were found on the Bospor Asian side. This is almost a third of known Judaic gravestones (hardly more than 100). The archeology only confirms the polyethnic structure of the population in the polises, and the presence of religious syncretism.

Рис. 1. Стела из СК-6.
Публикуется по:
Кашаев С. В.,
Кашовская Н. В.
Камни и надписи
Боспора // Восточная
коллекция. 2006. № 2.
С. 57.

0 1 см

Рис. 1а. Прорисовка.

Публикуется по: Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии / *Archeologia Abrahamica*. Москва, 2009. С. 72.

Рис. 2. Эстампаж из коллекции ИИМК, Санкт-Петербург.
 Публикуется по: Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Культурный памятник
 (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-11 //
 Древности Боспора. Вып. 12. Москва, 2008. С. 362.

Рис. 2а. Прорисовка эстампажа.
 Публикуется по: Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудейская диаспора на
 Боспоре по данным археологии. С. 73.

ТАБЛИЦА III

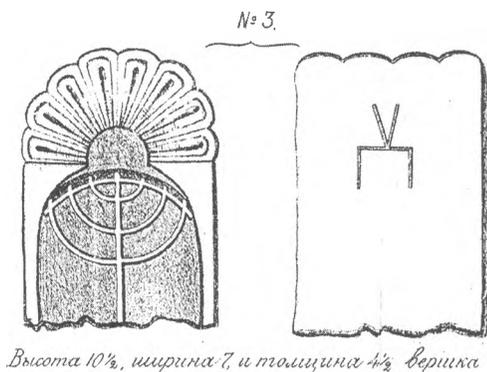

Рис. 3. Таблица III. А. Е. Люценко.

Публикуется по: Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища / Труды III Международного съезда ориенталистов. Санкт-Петербург, 1876. Т. 1. С. 577–580. Таблица I–VIII.

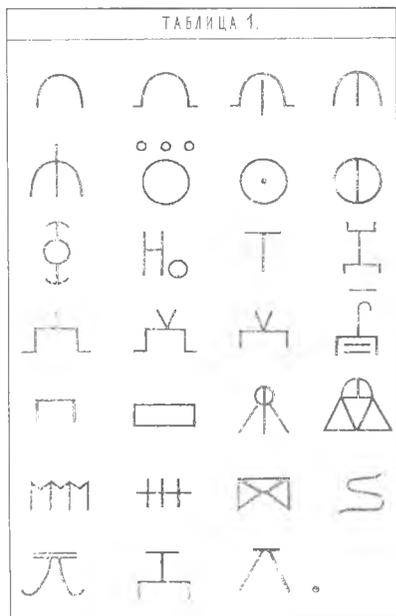

Рис. 4. Таблица I. А. Е. Люценко. Публикуется по: Там же.

Рис. 5. Фото надгробия.
 Публикуется по: Кашаев С. В.,
 Кашовская Н. В.
 Две надгробные плиты из станицы
 Вышестеблиевской
 близ Тамани / Боспорский
 феномен: греческая культура
 на периферии античного мира.
 Материалы международной научной
 конференции. Санкт-Петербург,
 1999. С. 337.

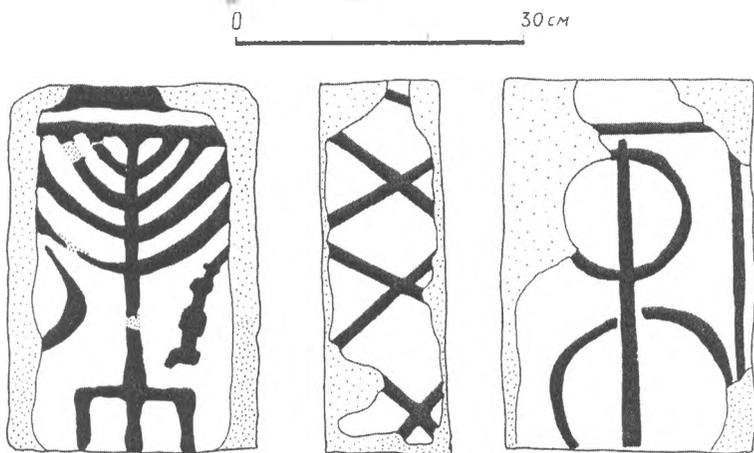

Рис. 6. Прорисовка надгробия.
 Публикуется по: Там же.